

Максим ГОРЬКИЙ

Герой

...На обрывке «Нового времени»¹ от 14 июня 1915 года я прочитал:

«Поднимаю перископ², смотрю, вижу зеленую волнующуюся рожь и синие пятна васильков, раскиданные посреди нее. Несколько дальше дорога, обсаженная деревьями. Поперек ее и дальше, через все поле, тянется низенький валик желтой земли. Это и есть вражеский окоп. Там сидят немцы. Отсюда до них будет шагов двести. Я спрашиваю:

— Можно ли увидеть отсюда немецкую каску, над гребнем вала?

Можно, но это бывает редко, очень редко, особенно днем. У нас тоже шутить не любят и следят за противником в оба глаза. Есть такие специалисты. И тут же мне показывают одного из них.

Маленький, невзрачный солдатик, на вид сонный и вялый, сидит неподвижно у бойницы, защищенный от пуль неприятеля стальным щитом. Сидит и пристально смотрит в щелку. В этом положении он проводит целые дни. Никто его не назначал сюда, никто его не принуждает, а просто у него уж такое пристрастие. Как раз в эту бойницу, и только в нее, видна лоцинка, по которой немцы ходят за водой. Ходят, разумеется, согнувшись, но, если кто-либо из них выпрямится раньше времени, его можно заметить. И тогда хлоп! Винтовка лежит тут же наготове, — навести ее и спустить курок — дело двух секунд. Промахов не бывает.

— Пленные утверждают, — говорит офицер, — что эта тропинка называется у них дорожкой смерти. За последние недели там убито около сорока человек. И подумать — всё работа того господина.

“Господин” слушает наш разговор совершенно безучастно, словно он не его касается. Его равнодушные, как бы заспанные глаза прикованы к отверстию в щите».

Этот механический истребитель себе подобных напомнил мне другого «господина», не менее серьезного.

В купе было шесть человек, но на станции Волхов влез, согнувшись, еще один — коренастый, широкоплечий солдат с тяжелым мешком за спиной. Сложив мешок на колени моего соседа, он поправил на груди своей крест Георгия и, шевеля губами, внимательно осмотрел нас.

— Шестеро, — сказал он. — Правильно. Однако — потеснитесь.

Сосед мой, чиновник таможни, сердито заворчал:

— Как же тут потесниться?

— Для героя можно! Герой должен получить место.

Герой отжал чиновника сначала коленом, потом втиснулся на диван и раздвинул нас своими бедрами...

— Вот и готово.

Его толстое лицо было выбрито до синевы, так же, как и шишковатый череп. Редкие черные брови казались выщипанными, из-под них смотрели кругленькие, выпуклые и точно вымороженные рыбы глазки.

Вагон дернуло, покачнуло; полусонные люди, поворчав, примолкли. Солдат отважно закурил папиросу, а я — задремал, прислушиваясь, сквозь дрему, к его беседе с рыжим человеком, сидевшим против меня.

— Агромადнейший интерес для всех в этой войне, — говорил усатый; солдат отхаркнул, плюнул и подтвердил:

— Правильно.

— Главное — оживление жизни от нее... И во все стороны — свободный ход.

— Правильно, господин!

— Хоша, конечно, многих убивают...

— Ну, человек во всех случаях может умереть...

И после этого предисловия внушительно и одиноко зазвучал, под шум колес, сиповатый голос солдата:

— Хоша бы взять меня: был я обыкновенный, штатский человек, вроде вас, пять годов гонял плоты, а теперь, по случаю большой убыли командного состава, сдам экзаменты и буду унтер-офицером. Вот — еду сдавать. Раненый лежал, — учился. Отличаюсь строгостью характера и верным глазом. Злодейский глаз имею, такое утешение мне от Бога глаз мой, что даже сам удивляюсь — за что? Стрельбой моей господа офицеры, призовые стрелки, любоваться приходили, такая правильная стрельба! До первой моей раны двадцать девять немцев положил я. Это — счет честный, я не сам убитых считал, потому заметно стало мне: когда сам считаешь — промахиваешься. Другой охотник за всю жизнь зайцев столько не убьет, сколько я в один годок людей наколотил. Конечно, человек не заяц, не утка, однако ж ведь редко приходится стрелять по всей его туше, а всего больше в голову бьешь, когда она

высунется из окопчика или покатится по ходам сообщения. Я, видите, в окопчике действовал, приснастился к бойнице, перед окопчиком болотце неширокое, шагов в сотню, а за болотцем — он, немец этот. Позиция там, прямо скажу, была неудобная для них. Один раз я в день восемь штук положил.

Солдат засмеялся рыгающим, киргизским смехом и шумно вздохнул:

— Очень удивляюсь подвигу моему!

Я посмотрел на него. В сумраке осеннего утра голое круглое лицо героя лоснилось, точно салом смазанное, сладостной гордостью, рыбы глазки счастливо улыбались.

Я рассказал об этом солдате знакомому священнику и услышал в ответ:

— Чем же возмущаетесь? Если мы верим в неизбежность того, что делаем, — мы должны делать это отлично. И если Господь наш допускает грозную кару войны, — значит: обязаны мы принять допущение это как закон. Если же закон, то — уж извините! — Господь не жесточе нас, а посему: исполним волю его покорно и, повторю, отлично...

Был этот священник маленький, сухонький, детские, светлые глаза его смотрели печально. Опустив их, он тихонько повторил:

— Господь не жесточе нас...

